

18+

Кандыбович Илья

Песни безумной Женщины

Илья Кандыбович
Песни безумной Женщины

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Кандыбович И. С.

Песни безумной Женщины / И. С. Кандыбович — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Книга представляет собой симбиоз всего прочитанного и услышанного мною за пока что еще коротко прожитую жизнь. Так же на иллюзорных соображения, сновидениях и переживаниях, которые понятны только одному мне, с попыткой донести это до читателя, и дать ему возможность осмыслить под себя все написанное. Сюжетная линия проходит среди невыносимой тяжести быта, в которой погрязли люди, и автор в том числе. Герой вместе с Женщиной, которая выступает в роли некой эфемерной Богини, преодолевает всяческие переживания, но при этом не пытаюсь никого ничему не учить и не бороться.

© Кандыбович И. С., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Песня 1.

Больше всего что беспокоило Женщину, этим холодным, ярким, весенним утром, это вопли безосновательных старух.

Бегая вокруг молодого тельца, они неустанно изрыгивали проклятия в ее светлую душу, оставляли следы испражнений на могучих стенах сталинского ампира, и неуклюже мочились под деревья старого парка.

Окутав пеленой безысходности и мрака, они радовались новой жертве быта, недостатков и тягот.

Жизнь покидала их червивые и трухлявые тела, но в мерзости своей им не было равных.

И вот, хлебнув сполна, она снова с потухшими глазами шагала на работу, и слабость духа была крепка, и трусость с прежним задором крепчала...

Проникшись духовным безобразием, бродячие коты перегораживали ей дорогу.

Поправляя свои монокли неуклюжими лапами, они трепались о высоком, и ехидно вопрошали:

– А что вы, Женщина, не верите в возможности социалистического транспорта? Вагоны только наполовину пусты.

И отступали.

С визгом, как тени, мерзкие коты уползали по улице, легко и бессмысленно озирая все еще гадящих под деревьями бабок.

С тугим лицом шла героиня этого времени, этого дня.

С великой потугой давался каждый шаг в никуда.

Мысли спутались в клубок замогильных червей, ноги вязались словно змеи.

Заглядывали прохожие ей в лицо.

Прямо в глаза тарасились мерзкие двуногие личины.

Женщина неминуемо смотрела тоже.

О, тщета!

Разве что-то видно в них?!

Разве есть в этих угасших глазах то, чего нет в помойной яме?

В могиле сырой, в промозглом склепе запоздалых огней того света близкого.

Раньше Женщина ходила по улице и заглядывала в лица случайных прохожих, неминуемо неслучайно проходящих.

Она видела их, они пылали страстью, жизнью и эмоциями.

Теперь глаза опустели и глазницы впали тьмой внутрь несовершенного переходящего.

И люди словно тени, без намека на какую либо, хоть холодную живость и бодрость духа, слава нам.

В квартирах многоэтажек, в беспросветной темени существования, сгнило все, заменилось бессмысленным.

И, Женщина пыталась с ними:

– И я с вами! – завопила она, раскинув в стороны запоздалые руки, и запрокинув голову к праздничному свинцовому небу.

– Я с вами!

Вороны кружились, и сокрушали округу вороньим шепотом.

– Ты с нами, ты с нами...

Окрыленные безумием и жадностью, и проклятием, не унимались они.

Шептали и кружили, путали и веяли, блестя глянцем зеленоватым, и без веры в своих вороньих сердцах, и крыльях.

– Оставь все это, будет больно...

– Забудь, невысказано и тяжело будет...

– Не высовывайся, скотина. – не унимались змееголовые птицы.
Остроглазые рептилии, без возможности всякой, без доводов надуманных, да по несколько раз, да в присядку и весело.

– Я с вами, я с вами – твердила она.

– С нами, с нами, летим с нами, – твердили они.

В бреду летя по около-парковой дороге, Женщина радовалась принятию.

Свет тух неукротимо, алчность и кредиты, да здравствуют!

Тяжелый серый воздух густо наполнял улицу из открытых окон прижизненных склепов.

Пестрые лучи тьмы мерцали из открытых дверей подвалов, что у входа.

По ним можно пройти сквозь...

Мерцали и звучали словно старые ржавые радиаторы, непременно вышедшего духа
былого сладострастного...

Струились и обрывались в нигде, и в никогда, но по сути всегда.

Сочиняли верлибры дерьму.

А вокруг мочившихся бабок, бомжи дрались в добавок, и силы их были равны.

И перегар мощный стоял в округе, дух человеческий ваш.

Добро со злом сошлись в последней мощнейшей битве.

Великий конец, фатум!

Значит, зарядил один бомж второму кулаком прямо в эрогенную зону.

Прямо в нутро проник, яростным, запрещенным приемом.

Да с такой силой, что бедняга с душераздирающим воплем упал с грохотом на истрескавшийся со временем асфальт, и обмарался калом.

И треск рокотом раскатился по парку и близким улицам, и мерзкие старухи не только мочились.

Смрад потек, и распространился в воздухе, но всем так привычно.

Победитель поднял правую, фатальную руку в воздух, и наслаждался победой.

Он рассматривал и целовал свой кулак победный.

Старухи с возбужденным визгом окружили его, потирая руки о свои испачканные подолы.

– Герой, герой! – кричали они, и заводили вокруг него ведьмовские пляски.

– Наш герой! – восхваляли они воителя к земле, и под нее, вытворяя всевозможные колдовства.

– Я с вами, я с тобой! – кричала Женщина.

От возгласа Женщины, победная процессия остановилась и замерла.

Старух лица почернели как прежде, а может даже и хуже, и снова из уст их посыпались проклятия и мерзкие изречения.

Словно тараканы расползлись они обратно гадить под свои деревья, но с новым усердием, с новой силой лился кал, громко отрывиваясь и источая зловонию.

Победный бомж загрустил.

Пораженный бомж, лежал на прежнем месте и барахтался в куче говна, мерзко блюя и рыгая со всей силы.

Грустный победный бомж заметил Женщину.

С вытянутой победоносной рукой, он победным шагом, но с беспросветной, бесповоротной грустью направился к Женщине.

В два шага, с расстояния более двухсот метров, победный грустный бомж, подошел к наблюдателю, с победной и грустной рожей.

На том и перестал быть...

Песня 2

Рожать великий смысл, или нести сущую околесицу?!

Нюхать коровье дерьмо, или вдыхать нежное благоухание еще по морозному, свежей весны?

Возлюбить псевдо-непорочную, бессмысленно невинную деву, или петь любовные дифирамбы пьяной бабе, которая в соседней комнате смакует ушами стены, блаженствующей от молодой восставшей плоти, подруги?

Созидание или разрушение?

И то, и другое.

И через край.

В устремленной смерти больше смысла, больше красок, чем в праздной жизни.

Жалкое волочение бытовой действительности, мрачное и туманное, как расплата за грехи прошлых жизней.

Женщина, которая сказала почему, от радости поникла.

Ее глаза, полные счастья опустели и заблестели от слез.

От духа веселья зудело в носу и сжимало в груди, словно полный смысла холодный закат утренней луны в лучах летучего отца винограда.

Птицы, исполненные покоя, засыпали в его густых волосах.

Сквозь сотни тысяч вопросов шла Женщина.

Не смея задавать их ни змеям, ни жабам, ни людям.

Словно обугленная спичка, спотыкаясь о прошлые мысли, зеленые словно быстрая молния, словно плети пустынь дней и небылиц.

После, вставала на колени, во весь рост, и принималась рыдать, так тихо, насколько позволяла громкость глотки.

На плачь этот, никто не мог ей ответить, некому было дать ей внятный ответ.

Плакала и убивалась за всех вас, decadent...

За всех нас, за наши души бытовые, о, прости нас Женщина, ибо мы заблудились.

Прости нас родная, и прими тяготу за души наши порочные.

Неси бремя за нас, эту мрачную тягбу, прозу жизни, ибо не правы мы, и не хотим исправляться, не хотим быть смиренны, а хотим лелеять свою гордыню и эго.

Прости...

Задумалась затем Женщина, напряглась.

Витыми нитями жизни ночи, сладким воском, оружием земным, осталась в никуда.

По самые уши и дальше, по самые ноги босые, и выше.

По тугую шею колючую, и намного выше и раскатисто более.

По свои небесные качели, и по наши тельца слабые.

Окунулась с головой, с волосами и пальцами ног, прерывисто несчастными и сложными до безобразия.

Разочарованно и далеко, бессмысленно, как декабрьская трава у твоего дома.

Песня 3.

Среди песков зыбучих, по-своему несусветно разных.

Среди могучих твердынь двух, неодинаково состоявшихся и ставших меньшинством по-твоему переходящие.

Да посреди поля пустого, вместо пахоты и растений мысли твои великие философ, сыт ими не будешь.

Среди трав разных у небосвода серого, что держала ты в кулаках ссохшихся от жидкости, дезинфицирующий раствор.

Да по сторонам четырем, три из них в вечность, одна в никуда и по самую глубь, до конца.

Свет ярко светил, и светило яркое неминуемо источало его.

Тьма бессмысленно отступала, и разочаровывалась в тебе, Женщина.

А глазницы твои, жадные, черпали мудрость веков, да по самому краю, и больше еще.

Злые ветра тогда становились, и выливались в вымя коровье, молочное.
Бархатные полозья стегали упругие бока седой изгороди.
Были и стонали умы высшие не находя истинны, не находя смысла в бессмысленном.
Мужчины разодевались в платья цветастые, да лохмотья разудалые.
Белилами и свинцовыми пудрами измазывались, да напивались одеколонов дешевых,
такой смысл был ими распознан.
Развалившись тогда на песке румянном, на душистой сырой грязи, извивались и измывались,
парфюмеры нашего века.
В тряпках и ты стояла, Женщина.
Когда тверди твердели, ты стояла.
Когда пески были зыбки, и предавались затмению, ты стояла.
Когда солнце угасало, и неимоверно красиво луна источала тьму, ты стояла и смела быть
на ногах.
Из уст в уста, из глаз да в выгребную яму, ты была и не смела не существовать.
Когда листья пошатнулись, когда усомнились, развязавшись и приготовившись влезть в
петлю, смотрели, ты была с ними, смела быть.
Ты видела выход, видела вход в бесконечность, и видела Богиню, и она была прекрасна.
Среди рассветов, среди рос и поднебесных трав.
Посреди дикого запущенного леса, папоротников древних посреди, была Богиня.
Она не смеет сметь, а мы не смеем думать, только слушать в никуда.
По старому прогнившему сараю, да к жалкой собаке.
Лился и струился долговязый ветер бурь, ветер страха и безобразных карликов на вело-
сипедах.
Посреди маковых долин, посреди мхов и мерзких клещей, насекомых.
В глубине недр, в высоте высот, словно тигр запоздалый, что не смел ходить уже сегодня,
по высоте и в начало самое.
Была и ты там, была в стороне, Женщина.
Не смела не быть, и не стать не смела.
Хотела уподобиться Богине, хотела подражать ей.
Но гордыня обманула тебя, она всегда тебя обманывала, и навсегда.
Расправь плечи, упади глубоко, и будь поглощена червями и адом, встретить вечность, без
мук, и покорно.

Песня 4.

Осела, Женщина, задумалась глубоко на сколько могла, в приватной позе кулак коснулся
ее могучего подбородка.
Слабость мысли стала одолевать ее гнилой разум, глаголя нечистоты по всей округе, да
по зову дикому.
Посрамлена память тогда становилась.
Сквозь темени каштанов, завихрения невозможностей наставляли неумолимо.
Сквозь дебри светлых ветвей, да через кору заметных необдуманностей, приходил вновь
великий смысл не того что нужно.
Около скал каменистых, непреступно мягких, да с лихой завистью навсегда вечных,
наступал свет завитой и превосходный.
Перед злым ветром, растворялся космический необдуманный путь, и длился.
С задором подхватывал он Женщину, и приводил в неистовое уныние, без всякой при-
чины, но все так же нелепо.
В то время, когда космические ежи, обуздав космические просторы, словно дыра в полу,
проносились над нашими головами и проклинали все на свете.

В то же самое время, когда комические качели бросали тебя повыше и в самый низ.

И в то время, когда, не подходя по всем параметрам, равно как и по одному из них, выливалось безумие и страх на светлую ладонь пропащего мирского равноденствия.

Однажды и к нам придут летучие коровы.

Однажды, забрав нас подальше, затронут они все самые яркие смыслы, и самые бессмысленно запоздавшие темы.

Да разного рода судеб, да при полной человеческой беспомощности, не оставят нас летучие коровы, смысл есть.

А во время всеобщей смуты, когда тягота не в радость станет, да уберегут они нас, и песни твои, о безумная Женщина.

Песня 5

Однажды возвестив обо мне, при теплом парном сеянном песке, криком сиплым, жутким до тошноты, ты снова приходила.

В истерике волосы рвала, безумная Женщина.

Жажда становилась сильна к обеду, а к утру и как положено вытекало в пустые мысли.

К вечеру, как и сказано было, превратилось в икоту забавную.

К ночи жадной до безобразия, в поту и слизи, было уже как никогда поздно и как иногда слишком рано, чтобы в нигде уже, да и по ныне.

А не всегда становилось, да так сложно, что по самые уши, да под самый потолок веревкой без нужды и без мыла банного.

Во всем настолько, что в час всеобщий, уже никто не смел шутить, только платки серых цветов, мокли и распылялись спорами грибов.

Но все же по ныне, именно с сегодняшнего дня, становилось не так как ты хотела, безумная Женщина.

Ты сказала «почему», и внезапно с тобой жизнь случилась.

Нелепая муха, несчастный случай червь и зомби.

Под самым потолком, все так же без нужды, ты качалась словно на качелях, и неминуемо это вело тебя к жизни.

Болтовня не имела смысла...

Самые несчастные диалоги о том, смысла не имели.

Сладко глотала каждый кубик воздуха, глаза слезились от радости неминуемо надвигающейся жизни.

Плыви как осуждение, словно необходимо теперь до конца.

Несись как морфий по вене, да и ладно, да и будет нам...

Обузданные высоты потолочные, да несправедливо белые углы паутин, безуспешно захваченные, покорила ты, Женщина.

Не помня о мраке, лишь забыв о свете, вылитом на нас так несказанно, живой становилась ты.

В преддверии конца и края, в ожидании будничного пряника, в наследии и остатках, живой становилась ты.

В окружении лилий, цветов всяких попарно, обрекла на вечную жизнь сама себя ты, или фатум.

Откуда знала ты что будет, кто такое тебе сказал?

С превеликим сожалением, сожалела ты о содеянном.

Как могла ты помыслить об этом, кто нам сказал.

Не залить смехом минувшим, ту страшную жизнь которая с тобой случилась, не заткнуть.

Ты так прекрасна в своем белом летнем сарафане, о безумная Женщина.

Так легки твои помыслы, так убиты твои вены.

Под лекарствами счастья, словно нас кто-то звал, мы смогли.
Весенний луг принял тебя такой какая ты была, пока на могильных холмах, цветы нали-
вались майским солнцем, глухая ирония нас.
Водевиль приуроченный к твоей внезапной жизни.
Пригласила меня на танец живая безумная Женщина, и сказала «почему».
Но я не знаю.
И смысла нет знать, потому как в искрах яд был, в количестве преступном, да по краям.
Часы остановились, ровно в минуту твоей жизни, знак или жуткий случай.
Благоухание июльской расплаты, запах сентябрьских потерь.
Ноябрьский дождь, или лютый холод, до отупения настоящего декабря.
Пастушьей сумкой катилась ты по снегам к вечным жизням, не одним, и не по многу, но
зато настолько наверняка, насколько это было допустимо.
Пришло твое время, но не сразу.
Пришло твое время, но совсем не вовремя, и не из той стороны.
Пришло время, не совсем, да и не так как нам того хотелось.
И сделав выбор к жизни, взметнулась к побелке.
Королева потолка теперь, навсегда владычица серых чугунных труб туда и обратно, до
краев.
Так не стесняйся, не бойся же, принимай.
Принимай и делись, сей по миру.
И не говори почему...
Ибо я не знаю, и не смею знать.

Песня 6

Смысл ее свободы заключался в намеренном мочеиспускании сквозь уши.
Мысли ее страхов ограничивались лишь органами восприятия, сугубо субъективными и
недобровольными.
Она не была Плутархом или Аристотелем, а я не был ее Джон Конором.
Свобода ее заключалась в неспешном покачивании цветка на ветру.
Несовершенная, с изъянами, такая настоящая.
А вспомни как небо тебе светило как раз.
Вспомни как потусторонние голоса манили тебя и песни пели, словно сирены, что
корабли поджидали в камнях.
Сможешь ли ты забыть этих котов в маленьких очках?
И их глупые вопросы?
Я так и знал...
Тогда забудь этот ноябрь холодный, как скользкая рыба.
Забудь криков страдания, и разудалых клоунов цветастых злобные улыбки и заманивания
ладонью.
Забудь тот черный хлеб нарезной по половине килограмма, что смел когда-то взойти
колосьями на враждебной земле с удобрениями.
Когда реки высохнут, а моря превратятся в выжженные пустыни, словно пейзажи далеких
мертвых планет.
Когда тьма затянет твое любимое небо, что свет тебе давала, Женщина.
Не стань столь же дешева, как слова все, и эти, впрочем.
Не стань так же слепа и неподкупна, как серые лачуги, те что за поворотом улицы.
А надень латексный сарафан, и сформируй новый смысл.
Разорвись ярко, и мощно, как новая звезда, вкрапление ничтожного в бесконечность.
Вражды забудь несметные богатства словно сны.

И будь как есть, Женщина, как смела быть ты тогда и ранее, и во все времена не наступившие.

Тогда дьявольскими помыслами наберись.

Окрепни жуткими мыслями, и ступай, ведь ноги твои тверды, словно кипарисы.

Отождествляй в то время себя ни то водой, ни то воздухом свежим, но не испытай страха.

Не ведай жуткого чувства перед бесконечностью, ибо она и есть мы, и есть та мысль, которой мы посмели стать.

Скользи.

Песня 7.

Ах вот вы где, мерзкие черви земляные.

Вот вы где, поползни серые.

Между слоями затаились, под пролежнями копошитесь.

Заткнулись в самые закрома гнойные.

Залезли в ледяные души шершавые, и остались там надолго.

Уткнулись обоими концами, и вожделеете сами себя.

Забились поглубже, да пошустрее, и в подлости самые, как радуги черно-белые.

Устроили протесты, и свились в комки сладострастием своим.

Под музыку лязга оружейных затворов, под визг пропащих кошек.

Вели меня через дороги пыльные, наверняка стылые.

Вели через броды некогда мелкие, а теперь и поныне и вовсе необъятно перпендикулярные.

В свете и тьме, да по матовому краю изгороди поднебесной.

В лучах ярких закатов империй, совсем молодых.

Рассказывали о героях событий давно прошедших, но еще по-прежнему таких близких и нелепых, не виновата в них Женщина была.

Нет, не она.

Но может быть другая.

В песнях ее, вины не было.

Если может быть в совсем других.

В ладони, Женщина крепко сжимала меч, что плугом стать должен был.

По-прежнему, с завидной силой выбивала она им из камней придорожных искры яркие, совсем холодные.

Расплескивала воду из луж, но чуть теплее уже.

Заплетала в косу его, резала пальцы себе нечаянно, загадочно.

Не испытывала расстройство от этого, ни душевное, ни желудочное.

Но болью в глазах блестели все рассказы ваши, о героях, и древности такой близкой.

К чему ей становилось это, в какие потайные муки закрывалось?

Откуда брались вещи и места для этого?

Знали ли они сами?

Увы и нет.

А только лишь жажда разговоров вела их.

Неумное желание болтать базары на языке, на разных языках.

Великие смыслы для них в этом открывались.

Для тебя и вовсе нет, и ни в какую сторону, приоткрытую по замыслу несчастному.

По добровольным волям, по страницам пыльных ветхих книг, что старцы, затворившись в узких комнатах, писали летами.

Да по забытым чертогам до этого великих умов, и прошлого, и будущего, разнонаправленных.

С упоением писали музыканты музыки свои, то глухие, то убитые кем-то насмерть.

С бесстыдным азартом, да с неподкупной жестокостью мазали художники натуральными кистями по холстам тканевым, привлекая внимание многих, иногда не сразу.

Да каменели в позах различных и с серыми лицами, уходили в лета, напоминая о себе набором звуков и мазками, что будоражат так разумного человека, вызывая химию и эмоции завсегда.

Песня 8.

Губительным для нас тот год оказался.

И вроде бы, как и остальные, но этот, по-особенному.

И вроде бы особенным показался, но как всегда обманчивы суждения выходили.

Неслось время в своей заносчивой нелинейности, и неустанно тыкало носом нас в это.

Сознание, жуткие картины рисовало в сновидениях дневных, таких тяжелых, насколько это позволяло быть случаю.

А ты лежала в постели не вставая.

Раскинула телеса свои на белых одеялах.

Балдахины с потолка свисали, как декор напоминавший о не лучшем.

На телесного цвета, загорелых ногах, волоски выбивались и шершавы были, словно поле, словно весна.

Живот не уставал вздыматься и падать в дыхании опрометчивом, которое казалось нам необязательным.

А подбородки, один за другим, словно каскады горных ручьев, напоминали о конце, о вселенской обиде.

Тогда вставала ты.

Именно в этот момент тело твое подымалось над тканями, и безумие непредвиденно случилось с тобой, Женщина.

Глаза еще небыли так пусты как прежде, руки еще не становились холодны и ломки, как осенняя мерзлая трава.

Волосы еще текли с головы по плечам, но уже седина пробивалась наружу, как родник, как источник вечной молодости.

Как можешь жизнь рождать ты?

Как смеешь новое взрастить внутри себя, кроме смерти, сочившейся из разных отверстий?

Я не знал...

Мы не знали, и не смели задавать вопросов.

Что может подарить зима, являющаяся лишь мертвым летом?

Раскатился гром по округе, словно яблоки по деревянному полу.

Дождь кислотный поливал в то время радиоактивную поляну.

Твои нежные волосы, сквозь которые пробивалась уже седина, стали стекать в самом деле.

Ну и что, ну и будет же нам.

В преодолении, не узрели мы великого бессмыслия.

В мучениях и замыслах, не увидели великое ничто.

Что так ничтожно подкралось сзади, и, стало быть.

Песня 9.

Нельзя быть обворожительной до конца, и поныне.

Невозможно не знать откуда и когда, и по долгу не сходиться.

Как клубок путаница, как звезды в бесконечность, как вода, да под лежащий камень.

Словно яблоко раздора, словно быт неимущих, да и всего то.
Вены как трубы, головная боль, как напоминание о безвыходности.
Кровь носом, словно не позабыть бы, да и только.
Удручающие факты этой осени, как кенотаф, и там нет тебя.
Там тебя нет, словно в диком поле не может быть невероятной удачи, легла ты там на колючие травы.

Шептали травы тебе, что они колючие.
Ветер орал тебе в уши, что он подвижен.
Никто не смел звать тебя по имени.
Имя ты свое утратила в ту жуткую середину сентября, и поныне не вспомнит никто.
Нет, мы не сказка.
Нет, мы не поучительная история с лучшим концом.
Твое имя теперь, Женщина, ибо потеряла ты остальные.
Потеряла все, кроме своих песен, и прекрасны они становились в любую пору года, в любых созвездиях вселенной, в любых книгах.
Ты расплескивала их, словно котлованы.
Ты разливала их по небу, словно молоко, и след оставался.
Безумны слова их были, и умны не по годам.
Музыка их была так нерадива и прекрасна, как мороз по утру, как начало.
Слипались волосы твои в сгустки прошлых мыслей, не так сейчас.
Случились пальцы твои в молитве к вселенной, но так и не смогла ты их разжать.
С гневным смехом, с праздничным октябрём, засыпала тогда ты, Женщина, на тех самых до боли колючих травах, и не сумела больше очнуться.
Заблудился и я с тобой, космополиты проникли в созвездия и дальше, и потерялись.
Но свет снова близко становился, и прожекторы ему светили.
А в прожекторах тех, не понимали мы сознания силы, и беспричинности хаоса смены дня и ночи, так есть.
Прожектора те, не видели проклятия магов, алхимиков.
И прожектора те, обжигали нас до костей.

Песня 10.

Но не все песни были твои, Женщина.
Многие ты слышала, ибо могла слышать.
Как те, о великих и ужасных вещах, о глубоких пропастях для редких.
Про ночные дожди, и огарки свечей.
Распахнутые окна впускали седобородых стариков, которые звали нас с собой.
В места где все так прекрасно и безболезненно.
Но не привлекали они нас, не только нас.
Насилие тогда выливалось на пол, усеянный лунным холодным светом.
Словно шершавый лед наши души, и вкусы наши нетипичны.
И только утро заканчивало все это, когда сквозь разбитое окно, солнечный свет заменял прежний, и люди-капюшоны переставали хихикать.
Слюду клали мы, сеяли гранит, поднимали могучие камни, поворачивали вспять реки и времена, но по сути, лишь блуждали в нем.
Великовозрастные обороты выдумывали и деепричастия.
Не умолкали до самого мая, как и поныне.
Интересовались друг у друга спишь ли?
Да, мы уснули, и не смели не спать.
Заботой единственной нашей, была зевота.

Затем рвало нас наружу, рвало и выворачивало тем, чего в них не было.
О, вспомни тот дивный сад, те кровавые яблоки.
Вишня цвела как яд, как нашумевший дождь апреля.
Бутылки разного объема шумели под нашими ногами, что искали мы?
Копошились зловещие живые куклы, шептались и прятались за деревьями.
Звали нас, и подзывали, маня пальцем.
Шутили между собой и высмеивались.
Прислоняли ладони к губам, и к ушам друг друга.
Объедались насмерть кровавыми яблоками, мерзко чавкая.
И говорили нам об одном лишь выходе.
Что ж, опять прыгать с трамплина...

Песня 11.

На лысой горе, совсем взаправду, проникали мы.
Как запоздалый чай, словно выцветшие старые фотографии.
Как поблекшие лилии, на картине того художника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.